

ИЗ ИСТОРИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ РОССИИ С ГДАНЬСКОМ (ДАНЦИГОМ) В ПЕРИОД СЕВЕРНОЙ ВОЙНЫ

В Центральном государственном архиве древних актов в Москве имеется небольшое собрание документов «Сношения с Гданьском», сохранившихся (за отдельные годы) с 1697 по 1719 г.¹ Несколько документов этого фонда опубликовано². В материалах документов фонда содержатся дополнительные сведения из истории Северной войны, открывающие, в частности, интересные страницы сложных военно-политических взаимоотношений России с важным портом на юге Балтики — Гданьском. Этот город принадлежал Польше, но благодаря широким привилегиям он осуществлял фактически самостоятельную внешнюю и внутреннюю политику. Гданьск, как крупнейший политический и торговый порт Балтийского побережья, где в начале XVIII в. столкнулись экономические и политические интересы многих европейских держав, неоднократно оказывался во время Северной войны в самом центре борьбы и дипломатических переговоров со стороны России, Польши, Англии, Швеции и Пруссии. В этот период положение Гданьска было трудным и незавидным: город постоянно подвергался различным контрибуциям, постоям, конфискациям кораблей и т. п. Междоусобная война в Польше, осложненная вмешательством иностранных держав, вызывала упадок города.

Отношение гданьского магистрата к России определялось нежеланием гданьского купечества считаться с укреплением России на берегах Балтики. Острая конкурентная борьба европейских держав в то время позволила Гданьску упорно отстаивать свои экономические интересы, сохранять старые позиции в южной части Балтийского побережья. Первыми дипломатическими актами, определившими отношение России и Гданьска накануне Северной войны, являются благодарственная грамота Петра I за признание гданьским магистром Августа II польским королем от 3 сентября 1697 г. и ответ-

¹ ЦГАДА, ф. 367, оп. 1, 2.

² «Письма и бумаги императора Петра Великого», т. XI, вып. 2. М., 1964, № 4330, 4761, 4939—4941.

ная грамота Гданьска от 23 декабря того же года³. Документы 1710—1712 гг. касаются характера русско-гданьских отношений в переломный период войны.

В то время русско-гданьские отношения характеризовались в большой степени политическими интересами, они развивались в тесной связи с общей международной обстановкой в Европе и военными действиями в Северной войне. Политические отношения России с Гданьском в продолжение всей Северной войны были натянутыми и нередко враждебными. Петр I все время стремился заставить город не только придерживаться нейтралитета, но и принять активное участие в войне на стороне Польши и России против Швеции.

Переход Гданьска на сторону Станислава Лещинского, военная и денежная помощь Швеции вызывали протесты русского правительства. После 1709 г. они становятся более конкретными и требовательными. Гданьск с момента вступления русских войск в Польшу и перенесения военных действий в Померанию и далее в Швецию становится центром коммуникаций на юге Балтийского моря. Об этом можно судить, в частности, на основании верительных грамот, выданных за подписью Петра I Гданьску.

Верительная грамота Гданьску и инструкция действительному тайному советнику князю Г. Ф. Долгорукому от 23 ноября 1710 г. относительно уплаты контрибуции 300 тыс. ефимков явились подтверждением требований, изложенных в сентябре 1709 г. в Мариенвердере (Мальборке). Одновременно на случай отказа магистрата удовлетворить эти требования был послан указ в Эльбинг бригадирам П. И. Яковлеву и Ф. И. Балку выступить с частью войск, назначенных в Данию, к Гданьску «и всяко устрашать, а буде невозможно обойтица, и бомбардировать дондеже тот город»⁴.

Однако в связи с начинавшейся войной с Турцией Долгорукий был вскоре отозван, а вместо него был назначен генерал-лейтенант Я. В. Брюс. В инструкции от 3 января 1711 г. ему указывалось: «Совершенно того города не бомбардировать, разве что для постраха кинуть некоторое малое число бомб»⁵. Брюсу вменялось также требовать от жителей

Гданьска половину суммы контрибуции взаймы с уплатой долга после войны; срок уплаты контрибуции растягивался до двух—четырех месяцев. Петр I подчеркивал, что взыскиваемая сумма пойдет на нужды войны, в помощь союзной Дании, поскольку королю «из своей казны для собственных изживений оному вспомочь и денег перевести через тех невозможно, а особливо при нынешней начинающейся войне с Турцией».

В феврале 1711 г. Брюс прибыл в Гданьск. Гданьский магистрат отказался уплатить контрибуцию⁶. В сентябре Брюс должен был покинуть Гданьск и отправиться в Померанию. В декабре того же года он получил новое назначение в Гданьск, но задержался на некоторое время в Мемеле (Клайпеде) и Эльбинге (Эльблонге). Брюс пробыл в Гданьске март и апрель 1712 г. Он настойчиво добивался от гданьского магистрата исполнения требования Петра I. Уполномоченные Брюса имели несколько бесед с президентом и депутатами Гданьска, «дабы открыть естли их намерения, что ни есть дать, понеже из их комплиментов и отговорок прямого их намерения не можем дознаться». В одном из своих писем Брюс, выражая недовольство по поводу нерешительных действий в отношении Гданьска, писал: «Ежели ныне намерения нет их бомбардировать, то не для чего посылать к ним, понеже довольное число воинов царского величества и артиллерия, которая им вред зело учинить возможно». Обсуждение требований Петра I проходило на совещании 100 гданьских старшин, которые затем через депутатов объявили свое твердое решение, что из-за «нужды и скудости» Гданьск не имеет намерения платить требуемую сумму.

Из писем Брюса мы узнаем, что давало Гданьску основание с такой смелостью и упорством отстаивать свои интересы, почему, несмотря на угрозы и дальнейшее снижение требуемой суммы до 100 тыс. талеров, магистрат не пошел на соглашение с русским генералом. Брюс сообщал, что магистрат получил собственноручное письмо Августа II, которое обнадеживало гданьских жителей в его непосредственной помощи и заступничестве на случай более энергичных действий русского царя. Надежда на поддержку польского короля была причиной того, что бургомистры и стар-

³ ЦГАДА, ф. 367, оп. 1, 1697 г., д. 1, 2.

⁴ Там же, 1710 г., д. без номера. Эта грамота упоминается в кн.: И. И. Голиков. Деяния Петра Великого, т. 4. М., 1837, стр. 406, 407, 496—499.

⁵ ЦГАДА, ф. 367, оп. 1, 1711 г., д. 1, док. 1, 2.

⁶ Там же, док. 4, 7.

шины города «не имеют никакого страха, чтоб им что за оное учинилось». Уже по отправлении Брюса в Гданьск были получены известия от уполномоченных, что разносятся слухи в городе, что король прусский подговаривает магистрат не платить контрибуцию и обещает свою помощь. Брюс в разговоре с прусским советником говорил, «что тамо обносилось в народе, что его королевское величество прусский будто обещал в нужное время гданчанам войсками своими вспоможение учинить, ежели да токо есть, то его царскому величеству оное не бес противности будет». На вопрос прусского советника: «Оные ратные бездельные речи произошли от кого?» — Брюс отвечал, что о том говорит весь Гданьск, особенно в «кофейных домах, где больше еще того могут посказати»⁷. Эти данные характеризуют существовавший тогда интерес европейских держав, в том числе союзников Петра I, к гданьскому вопросу.

В числе документов фонда 367 важное место занимают Конвенция от 27 октября 1713 г., заключенная между Россией и Гданьском в Мариенвердере относительно уплаты городом 300 тыс. прусских гульденов русскому царю и дозволения его жителям свободно торговать в России и во вновь приобретенных шведских областях⁸, а также копия грамоты Петра I гданьскому магистрату от 11 декабря 1713 г. о предании забвению всех недружелюбных действий города⁹ и копия ратификационной грамоты на Конвенцию от 30 апреля 1714 г.¹⁰ Конвенция 1713 г. была заключена только после переговоров с Гданьском генерал-фельдмаршала А. Д. Меншикова, который прибыл в Мариенвердер с большим войском, чтобы, наконец, закончить затянувшееся дело об удовлетворении требований Петра I.

Бесспорный интерес представляет документ от июля 1714 г. под названием: «Перевод с пасквильного письма из Гданьска в Амстердам о жалобах шведов как на Польшу, помогающую ее неприятелям, так и на Голландию, посылающую свои корабли на помощь россиянам, коих не токмо советуют учить мореплаванию и комерции, но не посылать

туда товаров и разных военных припасов, также не допускать строить гаваней»¹¹. Пасквиль составлен в форме письма одного друга из Гданьска к другому в Амстердам. Это письмо явилось своеобразным откликом растерянного противника на новые успехи России и укрепление ее связей с Голландией и Польшей. Автор письма пишет с гневом: «Царское славолубие распространяется не только в приращении государства его, но и также в том, чтоб укрепить владычество свое над Балтийским морем; для имения пристанищ на том море начал он самую несправедливую войну против Швеции; а ради удержания таковых пристанищ ту ж войну он продолжает». Известно, что в борьбе против России Швеция применяла самые различные методы, в том числе распространение вредных слухов, пасквильных писем и прокламаций¹². В большей своей части они исходили из Гданьска. При известном отношении гданьского магистрата к России и симпатиях к Швеции не исключена возможность его непосредственного участия или прямого попустительства к печатанию враждебных России пасквилей и прокламаций. Возможно, что настоящее пасквильное письмо 1714 г. является одним из серии подобных писем, напечатанных славянским шрифтом в захваченной шведами близ Гданьска типографии; можно указать, например, на соответствующий указ Петра I и постановление русского правительства от 1708 г.¹³

От мая 1715 г. сохранилось несколько паспортов, перенятых русскими у гданьских шкиперов и купцов, отправленных с железом из Стокгольма в Гданьск¹⁴, который все это время не прекращал торговли со Швецией, открыто нарушая нейтралитет в Северной войне.

Документы 1716 г. отражают события, связанные с пребыванием Петра I в феврале—апреле того же года в Гданьске, когда город служил главной квартирой русских сухопутных войск фельдмаршала Шереметева, предназначенных для действий против Швеции. В росписи поставленных на квартиры в Гданьске и Вердере русских полков указывается, что еще с 1715 г. в этих городах было распо-

⁷ ЦГАДА, ф. 367, оп. 1, 1711 г., д. 1, док. 6, 7.

⁸ Там же, оп. 2, 1713 г., д. 4. Текст этой конвенции см.: Ф. Ф. Мартенс. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами, т. 5. СПб., 1880, стр. 109—110.

⁹ ЦГАДА, ф. 367, оп. 2, 1713 г., д. 3.

¹⁰ Там же, оп. 1, 1714 г., д. 4.

¹¹ Там же, оп. 1, 1714 г., д. 2, лл. 1—36.

¹² П. П. Пекарский. Наука и литература в России при Петре Великом, т. I. М., 1862, стр. 177.

¹³ ПСЗ, т. IV. СПб., 1830, № 2188.

¹⁴ ЦГАДА, ф. 367, оп. 1, 1715 г., д. 1.

ложено 6210 человек¹⁵. Декларация Петра I, подписанная им 17 апреля в Гданьске, с предъявлением ряда требований магистрату, в случае неисполнения которых Гданьск объявляется неприятельским городом¹⁶, затем декларация от 29 апреля гр. Шереметева и кн. Долгорукова об объявлении Гданьска неприятельским городом за враждебные поступки против России и согласие со шведами¹⁷⁻¹⁸ и ответные декларации от 27 апреля и 9 мая гданьского магистрата¹⁹ характеризуют резкое осложнение в то время русско-гданьских отношений. Первая декларация является ультимативным подтверждением требований Петра I, предъявленных Гданьску 28 февраля²⁰, вскоре по приезде русского царя в город в связи с нарушением последним условий конвенции 1713 г. Декларация Петра I от 17 апреля состоит из требований: 1) прекратить всю коммерцию и корреспонденцию со Швецией до окончания войны; 2) содержать четыре капера, каждый из которых должен иметь 12 пушек и 40 человек; 3) послать на эти каперы русских офицеров и нескольких матросов или заплатить 200 тыс. ефимков и снабжать прибывающие в город русские каперы провиантом и всем необходимым; 4) предоставить два или три транспортных судна, если такие понадобятся русским войскам, чтобы перевести амунизию из Гданьска в Копенгаген. В случае неисполнения положенных требований Петр I угрожал употребить силу. Предполагаемая высадка десанта в Швецию требовала напряжения всех сил и ресурсов союзных стран, а гданьские военные и транспортные суда могли бы послужить важным подспорьем для этого предприятия. Петр I категорически требовал выступления Гданьска, как города, принадлежащего Речи Посполитой, на стороне союзников. В ответ на это Гданьск занял враждебную позицию и 27 апреля дал резко отрицательный ответ. Кроме того, он обратился за помощью к Англии и Голландии²¹, начал готовиться к защите. В последующей декларации России от

¹⁵ ЦГАДА, ф. 367, оп. 1, 1716 г., д. 1, док. 3.

¹⁶ Там же, оп. 2, 1716 г., д. 5.

¹⁷⁻¹⁸ Там же, д. 6.

¹⁹ Там же, оп. 1, 1716 г., д. 1, док. 6; оп. 2, 1716 г., д. 7.

²⁰ И. И. Голиков. Указ. соч., т. 6. М., 1837, стр. 98. Контрибуция была уплачена Гданьском.

²¹ А. Г. Брикнер. История Петра Великого, т. IV. СПб., 1882, стр. 511.

29 апреля Гданьск объявлялся неприятельским городом. Указывалось, что Гданьск, будучи частью Речи Посполитой, не участвует в войне со Швецией и против интересов Северного союза оказывает шведам «всякое вспоможение». Декларация 29 апреля была вручена городским властям накануне возвращения Петра из Королевца (Кенигсберга), куда он отбыл еще 18 апреля для встречи с Ревельской эскадрой²². С появлением русского флота в гданьской гавани городской магистрат согласился удовлетворить требования России, оговорив при этом, что «ежели б какой-нибудь ущерб случился, то за оные собственными такими кораблями вознаграждать». В первом пункте ответной декларации гданьского магистрата разрешалось содержать в городе для соблюдения интересов России русского агента или комиссара, как это дозволялось другим иностранным государствам.

Рассмотрение отношений России с Гданьском в тот период расширено возможностью привлечения и другого рода документов, как, например, писем и мемориалов города к Петру I. Во время пребывания Петра I в Гданьске городское купечество постоянно направляло к царю своих депутатов с представлениями и письмами по поводу своих нужд, в том числе об освобождении от постоев и налогов, которые взымались помимо поставки провианта для русского войска²³. Гданьский магистрат неоднократно просил также не задерживать их корабли, возвращавшиеся из Швеции, и даже позволить свободную торговлю²⁴.

В связи с действиями русских войск летом 1716 г. по высадке десанта в Швеции отметим письмо канцлера Г. И. Головкина, которое было написано в июле бургомистру и советникам Гданьска, с сообщением об отправлении к ним русского фрегата за оставшейся в городе амунизией и провиантом. В этом письме канцлер просит гданьский магистрат в соответствии с известным соглашением Петра I с Гданьском дать также в помощь свои корабли. Он писал: «С вышеупомянутым фрегатом дали б под те припасы и провиант для транспорту в Копенгаген столько судов, в которые бы то, что в тот фрегат нагружено быть не может, нагрузить»²⁵.

²² И. И. Голиков. Указ. соч., т. 6, стр. 114.

²³ ЦГАДА, ф. 367, оп. 1, 1716 г., д. 1, док. 1, 2, 4, 5, 7.

²⁴ Там же, д. 5.

²⁵ Там же, д. 2.

С последними документами собрания тесно связана заключенная между Россией и Гданьском конвенция 19 (30) сентября 1717 г.²⁶ Эта конвенция явилась закреплением достигнутых соглашений и прежде всего относительно установления русского агентства в Гданьске и участия города в войне на стороне Северного союза. Она была результатом предварительных переговоров генерал-поручика В. В. Долгорукова, начатых еще в июне 1717 г. с энергичных представлений Гданьску относительно исполнения ультиматума Петра I от 17 апреля 1716 г.²⁷ Конвенция 1717 г. была подписана со стороны России В. В. Долгоруковым.

Особый интерес представляет сохранившаяся переписка одних из первых представителей русского агентства в Гданьске — Л. Ланчинского и Г. Эрдмана, а также переписка с русским правительством и гданьским магистратом в 1717—1719 гг. генерала А. И. Репнина и капитан-поручика Н. П. Вильбоа, действующих в то время в Речи Посполитой. Эта переписка касается характера деятельности русских агентов в Гданьске и одновременно дальнейшего развития русско-гданьских отношений. С помощью ее восстанавливается следующая связь событий тех лет. В соответствии с полномочиями русского агентства в Гданьске была составлена и первая инструкция Долгорукова секретарю Ланчинскому от 30 сентября, по которой ему вменялось в обязанность наблюдать за исполнением конвенции 1717 г. не только со стороны Гданьска, но и со стороны русских войск, курьеров, посыльных, чтобы они «Конвенции его царского величества с городом Гданьском, заключенной и ратифицированной, не нарушали, в которой положено, чтоб ничего в гданьских землях не брать, а буде кто того не послушает, то ему секретарю сослать их силою, кто бы ни был»²⁸. Но политика Гданьска оставалась прежней, он воздерживался от выполнения конвенции и продолжал оживленную торговлю со Швецией, изыскивая новые, обходные пути. Гданьск широко пользовался активными торговыми связями Пруссии со Швецией для приобретения шведских товаров.

²⁶ ЦГАДА, ф. 367, оп. 1, 1717 г., д. 3, 7. Текст этой конвенции см.: Ф. Ф. Мартенс. Указ. соч., т. 5, стр. 171—177.

²⁷ ЦГАДА, ф. 367, оп. 2, 1717 г., д. 2, док. 1.

²⁸ ЦГАДА, ф. 367, оп. 1, 1717 г., д. 3, док. 1. В собрании находятся письма русского агента в Гданьске П. Готовцева. Они написаны крайне неразборчиво (там же, 1714 г., д. 1).

Ланчинский неоднократно сообщал о прибытии все новых и новых партий железа из Швеции в Королевец и Пилау, откуда они переправлялись в Гданьск. Так, 1 ноября 1717 г. он писал: «Пред четырьмя днями еще пришло сюды 2 шмака з железом и известью, и понеже может быть здешнее купечество, усмотря мое молчание, отважило себя швецкие товары в Пилаве из неприятельских судов перегрузя прямо сюды возит под притвором будто из Королевца идут». По прибытии этих кораблей Ланчинский отправил письмо гданьскому вице-президенту фон Бемелю с представлением о нарушении конвенции, где он требовал задержать корабли со шведским товаром, арестовать и допросить под присягой шкиперов Ф. Берга и Як. Блюма, наказать купцов Эхмана и Сведка, которым были привезены эти товары. В конце своего представления Ланчинский рекомендовал магистрату опубликовать «жестокий, подробный указ, запрещающий всем бюргерам и жителям торговать и корреспондовать со Швецией, тако ж де и привозить товары из той неприятельской земли сюды..., каким бы способом сие не было, которых купеческая острота изобрести бы могла»²⁹. Городской секретарь от имени магистрата обещал немедленно исполнить требуемое, затем последовал письменный ответ с извещением об удовлетворении этих требований; кроме того, магистрат принял резолюцию: «Что естли которой купец противу конвенции торговать будет и тем наведет на город Гданск такую тягость и претензию..., то всего имения движимого и недвижимого лишится, буде же его имение к тому недобольно, то в тюрьму на вечное житие брошен будет». Вместе с тем магистрат объявлял, что в случае необходимости Гданьск будет продолжать торговлю с Королевцем как городом союзной Петру I державы; это обеспокоило Ланчинского, который заметил, что «здешния будут всегда извиняться, мы-де со Швецией не торгуем, но с Королевцем»³⁰. В своих сообщениях Петру I русский агент просил прислать инструкцию, «как поступать впредь», когда гданьские купцы привезут новые шведские товары из прусских городов, чтобы не осложнить отношения с Пруссией. Тем временем с наступлением зимы и закрытием гданьской гавани торговля со Швецией не только не прекратилась, но и расширилась,

²⁹ Там же, 1717 г., д. 4, док. 13.

³⁰ Там же, док. 1, 6.

в том числе увеличился вывоз гданьского хлеба. Ланчинский сообщал в ноябре: «Великому быть сяды привозу железа и иных шведских товаров из помянутого города зимним путем»³¹. Что касается представлений Ланчинского относительно исполнения другой части конвенции, гданьский магистрат обещал в скором времени внести первую сумму денег, а задержку вооружения каперов объяснил тем, что ожидает согласия на это польского короля и сейма³². В январе 1718 г. Ланчинский был отозван, и на его место 7 февраля прибыл Г. Эрдман с инструкцией, определяющей его обязанности: «Имеете по всякой почте в канцелярию посольскую писать о всех случаях, которые тамо в конвенции и инструкции Ланчинского положены». Вопрос о вооружении гданьских каперов продолжает беспокоить Петра I, и он вменяет в обязанность Эрдману объявить магистрату, что в случае невыполнения конвенции и особенно пунктов, касающихся вооружения каперов, будет применена сила, для чего в землях Речи Посполитой оставлен генерал Репнин с дивизией. В течение трех месяцев Эрдман тщетно добивался положительной резолюции. Ответ был получен в апреле. В нем магистрат заявил, что город не смог внести в срок первой части назначенной суммы, потому что не нашлось достаточного количества ефимков, а относительно вооружения каперов он определенно ответить ничего не может, так как еще ждет решения польского короля и сейма³³. После этого, 21 апреля генерал Репнин по приказу Петра I выступил по направлению к Гданьску. Это заставило Гданьск направить к Петру I в Ревель своего уполномоченного К. Бонгорста и просить о милости³⁴; в ноябре Гданьск заплатил часть требуемой суммы в серебре; в январе следующего года в связи с настоятельными просьбами Августа II Репнин покинул предместья Гданьска.

Еще в 1717 г. по приказу Петра I в гданьский порт был отправлен капитан-поручик Н. П. Вильбоа с флотилией. Он имел инструкцию наблюдать за движением гданьских кораблей в Швецию и обо всех нарушениях сообщать посольскому секретарю Ланчинскому³⁵. И Вильбоа строго придерживался этой инструкции, чем вызвал большое недовольство

гданьского магистрата. Направленный в 1718 г. в Петербург гданьский секретарь Бонгорст усиленно просил Петра I дать указ капитану Вильбоа, чтобы он не нарушал 5-го пункта конвенции, так как «жестоким осмотрением кораблей, уже и без того разоренных, торгу более и более воспрепятствует»³⁶. В конце 1718 г. Вильбоа покинул Гданьск. Но в 1719 г., когда по вступлении русского галерного флота в шведские шхеры были захвачены гданьские корабли, Вильбоа вторично был направлен в гданьский порт и крейсировал там вплоть до 1720 г. Петр I писал тогда Эрдману в Гданьск: «Взяты от наших военных кораблей суды гданские, идущие в Швецию с разными товарами, а больше с хлебом и солью, а также с амуницией и на вооружение флота потребными припасами, что неприятелю нашему ко усилению и продолжению войны против нас». И Эрдман получил приказ передать магистрату, что взятые корабли конфискуются, а люди объявляются военнопленными, в случае же дальнейшего нарушения конвенции захваченных людей будут считать каторжниками³⁷. Борьба Вильбоа против контрабандной торговли Гданьска со Швецией была упорной, с острыми конфликтами. Так, летом 1719 г. на гданьском рейде произошло сражение между русским фрегатом и двумя шведскими судами, прибывшими в Гданьск за продовольствием, в котором Швеция в это время испытывала большую нужду. Только после получения предупредительной грамоты Петра I от 30 октября гданьский магистрат вынужден был поступиться своими интересами, пресечь отпуск хлеба и встать на сторону Вильбоа³⁸. Таким образом, в течение всей Северной войны Петр I, несмотря на позицию европейских держав, не отказывался от надежды рассматривать Гданьск как город-союзник, который должен нести соответственно этому обязанности и помогать России.

³⁶ Там же, 1719 г., д. 8.

³⁷ Там же, д. 1, 2.

³⁸ Там же, д. 10.

³¹ ЦГАДА, ф. 367, оп. 1, 1717 г., док. 2, 4, 7, 8.

³² Там же, д. 3, док. 3.

³³ Там же, 1718 г., д. 5, док. 1, 2, 3.

³⁴ Там же, д. 7.

³⁵ Там же, 1717 г., д. 3, док. 2.